

Эзотерический Бестселлер

том
η.

Александр **Рей**

Гисфир

16+

Александр Рей

Клубок 31

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Рей А.

Клубок 31 / А. Рей — «ЛитРес: Самиздат», 2013

ISBN 978-5-5321-1462-3

У каждого из нас за плечами километры опыта и воспоминаний — потерь и приобретений. Со временем они запутываются, сплетаясь в столь тугой клубок, что мы рискуем потерять самих себя, а значит и возможность разглядеть дорогу, ведущую вперед. Так как же выбраться? Как распутать переплетения прошлого? «Каждая ворсинка в этом клубке — поступок. Каждый поступок совершен мной. Именно я, и никто другой, делал выбор, приведший к тому, что пожинаю сейчас. Именно я сам ткал нить моей жизни».

ISBN 978-5-5321-1462-3

© Рей А., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Я умер	6
Часть 2. Психотерапевт	11
Часть 3. Детство	16
Часть 4. Самый длинный день	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пролог

– Слышишь? Можешь ли ты слышать хоть что-нибудь, кроме собственного голоса? Вряд ли! Но я всё равно скажу...

– Что происходит? – шепчу я.

– Ты ещё не знаешь, где оказался, как, впрочем, и все... никто не знает, где ты. Ведь тебя на самом деле не существует, тебя нет – ты потерял себя. Потерял, как теряют счастье в бесконечной череде серых будней. А кем становится человек, если у него нет даже себя?

– Пустотой... – неуверенно выдыхаю я слово.

– Но ведь даже у пустоты есть своё место, а у тебя нет... тебя нет...

Я удивлённо смотрю на то место, где должно быть её лицо.

– Так что же мне делать?

– Найди себя! Отыщи свои следы и, не теряя из виду, следуй за ними.

– Где же мне искать? С чего начинать свои поиски? Подскажи мне!

– Загляни внутрь себя, только там найдёшь ответ. Смотри по сторонам, замечай оттенки собственных чувств, желаний и мыслей – они приведут тебя к ответу. Найди себя! Ты должен сделать это, иначе будешь бесконечно блуждать между двумя мирами. Пока ты ни жив, ни мёртв, тебя не сможет принять ни один из миров: ты везде будешь чужим. Найди следы...

– Я не понимаю...

– Прошое, настоящее и будущее, жизнь и смерть, иллюзия и реальность неразрывно сплелись, смешались, став единым целым. Теперь ты должен распутать их, собирая по крупицам себя, чтобы в конце пути ответить на вопрос.

– Какой вопрос? – я всё ещё пытаюсь хоть что-то понять.

– Ищи следы... Найди себя... Ответь на вопрос...

Последние слова раздались, будто издалека. Казалось, голос терял последние силы. Я понял, что погружаюсь в темноту.

Во мраке были размешаны холод и спокойствие...

Часть 1. Я умер

Я умер?

Хм-м... Я – умер.

Я умер, и ничего в этом плохого нет. Просто так получилось...

Бывает так с некоторыми. И будет с каждым. Тут уж ничего не поделаешь. Нет, и в самом деле, ну что тут можно сделать, если умер?

Интересно, как это – умереть? А никак!

Просто ничего не чувствуешь, кроме холода и спокойствия.

Спокойствия...

Теперь я понимаю, почему бабушка так спокойно относилась к моим переживаниям и неудачам. Она всегда была спокойна, глядя на меня своими глубокими, умными глазами. Вернее будет сказать, глубокими, мудрыми глазами со множеством морщинок вокруг них. Смотрела, улыбалась и была спокойна. И мне вдруг тоже становилось спокойно. Видя её такую, бабушку, я всегда, *всегда* успокаивался. Вне зависимости от величины моей проблемы. Просто я понимал, точнее, даже чувствовал, глядя на бесчисленные морщинки и на спокойствие в глазах, что всё будет... ну, если не хорошо, то хотя бы так, как должно быть.

И я думал, именно потому что, она старенькая (а старенькая – значит, много прожила, много прочувствовала и поэтому многое может, по крайней мере, мне так казалось), бабушка знала, что вот так оно и будет – холод и спокойствие. Зачем тогда переживать?!

А почему холодно? Ведь я же умер! Мне, по идее, не должно быть холодно. И холод какой-то неестественный. Скорей, даже не холод, а зябкость. Если вообще есть такое слово – зябкость.

Так вот, я – зябну. Это когда кожа покрывается пупырышками, а тело начинает немного дрожать.

В отличие от холода, зябкость – это не неприятное чувство. Оно никакое. Холод – неприятен, зябкость – никакая. Всё понятно.

Но иногда зябкость бывает нужным чувством.

Например, когда просыпаешься рано-рано утром в детском лагере, где-нибудь возле моря, допустим в Анапе, а за окном – ноябрь. Так вот, просыпаешься, а в комнате стекло выбито. И ты под одеялом. Вспоминаешь вчерашний вечер, как пил невкусную водку, как ждал и боялся, но потом всё-таки решился, как с молоденькой воспитательницей танцевал, какая она близкая и тёплая. И хорошо так. И ты под одеялом, окно выбито, Анапа... ноябрь... И зябко, когда под одеялом. Нос из-под него высунешь – холодно. И обратно под одеяло, чтобы зябко было. А в туалет-то хочется...

Точно также и мне сейчас – зябко.

Я лежу на своей кровати, в своей квартире. Мёртвый, но сердце при этом колотится. Иногда мне начинает казаться, что... жалко, что оно бьётся. Хочется, чтобы замерло и больше не мешало наслаждаться смертью, не раздражало своими надоедливými тук-туками. Чтоб сердце остановилось, и я мог спокойно, ни на что не отвлекаясь, себя оплакать.

Всё-таки редко когда приходится оплакивать себя. Не жалеть, а именно оплакивать. Жалеем мы часто себя. Мы уже привыкли к этому чувству. Для кого-то оно является всей жизнью, единственным смыслом и способом существовать.

Если бы я был жив, то сказал, что для меня это привычно – жалеть себя. А так как меня уже нет, то остаётся только – это БЫЛО привычно.

Сейчас же я буду оплакивать всего себя – душу, что мечется где-то очень далеко; тело, где пока ещё теплится жизнь (но это ненадолго); людей, когда-то важных для меня и составлявших смысл моей жизни...

Но теперь это всё позади, все ненужно, всё неважно...

Лежу на кровати, глаза закрыты. Так лучше, когда темно.

Открываю их – передо мной потолок.

И полумрак. Ведь прежде чем умереть, я задвинул шторы. Последнее, что я сделал в этой... ой, уже в *прошлой* жизни – это задвинул шторы. Чтобы было темнее. Ведь гибель приходит в темноте. Обязательно, где смерть, там темно. Так кем-то заведено.

Даже в детстве, ещё не зная, что это такое, ещё не столкнувшись с ней, мы догадываемся, что тьма – это и есть смерть. И боимся её.

Это знание приходит вместе с жизнью. Животное знание. Такое же, как и умение дышать, чувствовать, бояться.

И мы боимся её – темноты и того, что в ней заложено.

Поэтому, умирая, я решил, что шторы обязательно должны быть закрыты.

А сейчас мне всё равно. Я же не знал, а мог только догадываться, что мёртвому темнота не понадобится, её не будет. Не знал, что за гранью жизни есть только зябкость и спокойствие.

Но всё равно, когда темно – лучше. Ведь можно представить, что моя защита безгранична, её никто не пробьёт, и вместе с тем, никто не потревожит меня.

Когда же глаза открыты, я вижу потолок, и с этим сразу приходит понимание, что моя защита хрупка, как стена из бетона. Она заканчивается там, за окнами этой квартиры.

Там – мир живых.

Вокруг меня – кокон из железа и камня. Он окутал меня, защищая от жизни. Пока я внутри, мне ничего не грозит, я могу позволить себе быть мёртвым, надо мной ничто не властно. Даже время... Оно здесь не то чтобы остановилось – его просто нет. Умерло вместе со мной. И от этого ещё спокойнее.

Ведь не надо никуда спешить. Уже не надо...

Да и смерть никогда не спешит. Она просто есть.

Приходит всегда вовремя. Именно тогда, когда *нужно*.

Теперь я знаю, не смерти *нужно*, а самому покойнику. Каждый выбирает свой день и свой час сам, когда ему суждено уйти. Не бывает, что я хочу жить, но умер. Это не так. Я выбираю смерть и поэтому умираю. Выбираю: медленно или быстро, днём или ночью, рядом с близкими или в одиночестве...

А смерть... Она просто так не опаздывает. Она очень пунктуальна и серьёзно относится к своей работе. Ей всё равно, что думают об этом близкие люди умершего. Смерть слышит только голос самого человека, очень чутко улавливает решение, которое он принял. Затем просто хорошо выполняет молчаливую просьбу – «Я хочу умереть».

Ей безразличны деньги, сила, ум, счастье... Она просто трудяга.

«Смерть заказывали? Пожалуйста! Причем совершенно бесплатно и именно то, что Вы хотели».

Затем она берёт тебя за руку, оставляя уже ненужное тело позади, и ведёт в ТВОЙ НАСТОЯЩИЙ МИР, который ты же и создал.

Тёмное небо, затянутое грязными тучами, и касающиеся его холодные трубы-гиганты, без устали плюющиеся мутным дымом. И запах хлама... Может быть, ты создал этот мир, он твой и туда приведёт тебя за руку смерть?

Или слепяще-яркое солнце, фиеста с безудержным желанием танцевать – этот мир твой? Ты его творец?

Всю жизнь люди пытаются заглянуть внутрь себя, увидеть, что же у них там? Пустота? Гниль? Свежесть? Хаос? Мир ПО ТУ СТОРОНУ ЖИЗНИ помогает, наконец-то, это выяснить. Увидеть свою душу настоящей, не обманывая самого себя. Ты просто просыпаешься, открываешь глаза и видишь всё, что создал и что разрушил.

Смерть лишь помогает найти в бесконечном коридоре судеб комнату с твоим именем на двери.

Она спутница, провожатый, Харон, не просящий за свои услуги ничего.

Её незачем бояться. Как она может причинить вред? Как?

Она?

Почему ОНА?

Почему смерть женского рода? Почему я говорю о смерти как о ней?

Потому что ко мне смерть явилась молодой девушкой. Без лица.

Я смотрел на неё, сидящую на моей кровати и терпеливо ждущую, пока я решусь протянуть ей руку.

Я заставил смерть ждать!

Я был её хозяином. Я владел ею. Ведь она была создана специально для меня. Как только моя смерть выполнит своё предназначение – исчезнет. Поэтому она меня не торопит – тоже хочет успеть пожить.

Смерть хочет жить! Ха-ха... Абсурд.

Но она слишком перфекционистка, чтобы противиться установленному порядку. Так что просто подождёт, пока я войду в дверь, на которой висит обычная табличка с моим именем. И растворится, выполнив свою работу «на отлично».

Эта леди, сидящая рядом, была мне симпатична. Я бы даже с ней поболтал. Ведь она единственная, кто пришёл разделить мое одиночество. Одиночество её создателя. Ведь только потому, что я захотел умереть, была создана она.

В душе у меня была пустота, и именно поэтому она пришла без лица. Она была отражением меня самого, моего незнания, кто я такой.

Будь у меня возможность умереть счастливым, я уверен, смерть имела бы облик самого близкого для меня человека, ушедшего раньше. Ведь что может быть приятнее, чем увидеть старого друга после столь долгой разлуки, что лицо его почти стёрлось из памяти?

Единственное, чего я не понимаю, почему до сих пор бьётся сердце?

После того, как я протянул ей руку, мы пошли по коридору. Очень длинному, широкому, светлому. Нас то и дело обгоняли парочки. Кого-то обгоняли мы. Кто-то из них был полупрозрачен, как тень с чуть заметными очертаниями, а кто-то был ярок, будто светился солнцем изнутри. Мужчины и женщины, дети и старики. Обнажённые, в лохмотьях, в строгих костюмах и клоунских нарядах. Бесконечно разные.

Неизменно оставалось одно – их сопровождала смерть. И сколько было людей, столько и образов смерти.

Ребёнок держит за руку здорового мужика. Тому пришлось изрядно наклониться, чтобы малыш мог держаться за руку. Они идут и увлечённо о чём-то болтают, смеются... Провожатым был ребёнок. Наверное, не так плохо, когда к тебе приходит голубоглазый карапуз и, улыбаясь, спрашивает: «Пойдём?».

Некоторые же существа, ведущие мрачных, испуганных или, чаще всего, просто уставших людей, были невероятны: вызывающие равнодушное омерзение или приступы пустой тошноты.

И я всему этому не удивлялся!

Это сейчас при воспоминаниях обо всех этих лицах и образах мне становится не по себе. А тогда я понимал, что всё идет нормально, всё так, как должно быть.

Наконец, мы подошли к нужной двери, к моему миру.

Я спросил безликую: «Сюда?».

Она качнула головой: «Да».

И тогда, протянув руку и, лишь слегка коснувшись ручки, отворил дверь.

...

После я очутился там же, где всё и началось – на моей кровати в моей квартире. В коконе, созданном мной самим.

Только я, зябкость, спокойствие и непонимание остались после моей смерти. Хотя нет... Не только. Со мной рядом на кровати лежал, воплощая всё, недавно произошедшее со мной, небольшой красный клубок.

Откуда он здесь? Наверное, я его захватил оттуда... Откуда не возвращаются. А может это подарок от *неё... безликой*.

Как-то в детстве я посмотрел один фильм. Хотя, скорее, не фильм, а сериал. Кажется, он назывался «Запретная зона» или «Сумеречная»... Короче, какая-то «зона». Одно время его показывали по телевизору и все: и взрослые, и дети – фанаты по нему, каждая серия являла собой новый, захватывающий фантастико-мистический сюжет, заставляющий ждать развязки, неотрывно таращась на экран.

И вот в одной из серий рассказывалось про мужчину, обладавшего волшебными часами.

Что же в них было колдовского? А то, что раз в сутки, с двенадцати до часу ночи, они останавливали время и все, кроме владельца этих часов, замирали в неподвижности, повинаясь всемогущим чарам. И за этот час хозяин времени мог делать всё, что ему заблагорассудится, не боясь быть разоблаченным.

Если задуматься, то что можно делать, обладая такими часами? В голову обычно приходит только что-то противозаконное. Вряд ли кто-нибудь додумался бы за этот час успеть накопить и одеть несчастных и обездоленных. Вот и герой фильма, не обладая развитым воображением, занимался грабежом ювелирных магазинчиков. Хотя мне-то обвинять его в скупости фантазии было негоже...

После просмотра этой истории я регулярно, обычно перед сном, начинал мечтать, будто у меня есть такие волшебные часики. Мне так хотелось останавливать время и делать всё, что захочу, всё, что в обыденной жизни я себе позволить не мог. В детском мозгу созревали вожденные фантазии грабежа главного универмага моего города, мести лютым врагам и овладения одноклассниками в момент «волшебного часа».

Все эти иллюзии были так сладки и так желанны! Ведь в них умудрялось вмещаться всё, что я никак не мог позволить себе в настоящей жизни – денег не было, обидчикам сдачи дать не мог, да и среди девочек особой популярностью не пользовался. Оставалось уповать только на волшебную палочку, а, точнее, на часы.

Мечтая в детстве о подобном чуде, я и не предполагал, что когда-нибудь ко мне в руки попадёт вещица, способная играть со временем, будто с домашним питомцем.

Я не знал, ЧТО ЭТО. Я не понимал, ЗАЧЕМ ОНО МНЕ ВООБЩЕ НУЖНО! Я вообще ничего не понимал. Но, глядя на небольшой красный клубок, я видел в нём силу и власть прошлого, с которыми мне нужно было научиться мириться и совладать.

Сила и власть...

Что с ними сейчас делать?

Для начала нужно разобраться, как этот клубок оказался у меня и зачем он здесь? ЧТО всё-таки произошло до того, как я очутился там же, где все и началось – на моей кровати, в моей квартире, в коконе, созданном мной?

Только я, зябкость, спокойствие, непонимание и... маленький красный клубок остались после моей смерти.

И, всё-таки, я умер?

Нет, я только что родился...

Часть 2. Психотерапевт

В прошлой жизни я работал психотерапевтом.

Каждое утро (естественно, кроме выходных) я совершал все необходимые ритуалы – застилание кровати, чистку зубов, умывание, бритьё, завтрак – в строгой последовательности. Это была привычка, и нарушить её я мог позволить себе только в выходные. С каждым пройденным этапом, ставя себе пункт о выполнении, я как бы просыпался и, ободряя себя, говорил: «Так, начинается новый рабочий день. Очнись!». Выполнив все положенные обряды, уже свежий и полный сил, я отправлялся на работу.

До психиатрической больницы было около часа езды. Маршрут был всегда однообразен и до тошноты предсказуем. Сначала я втискивался в вечно переполненный троллейбус. Спустя минут 15, помятый со всех сторон и уже еле живой, выползал в центре города, на большой транспортной развилке, через которую проходили почти все маршруты. Следом пересекался на автобус, идущий до самой окраины, и ещё более плотно забитый людьми. Поэтому достаточно часто приходилось сражаться, распихивая неугомонных бабулек с кошёлками и скалоподобных заводских трудяг, за место в транспорте и, следовательно, за своевременный приход на работу.

Поначалу, когда я только ступил на трудовую стезю, вечная толкучка и ругань пассажиров меня жутко забавляли. Ещё бы! Каждый день в час пик – бесплатные американские горки! Но спустя пару месяцев я стал замечать, что духота и скованность, за которую я плачу, а мне дают билетик, начинает меня раздражать. И единственное, о чём мог думать по дороге – это когда я, наконец-таки, выберусь из этого тесного Ада.

Ещё через некоторое время у меня начало возникать ощущение, стоило только открыть глаза и оглядеть окружающих меня людей, будто я единственный живой в царстве Аида. Пустые, безжизненные лица, по привычке обрекающие себя на движение к ненавистной работе, наступали со всех сторон – умершие ещё при жизни.

Ещё чуть-чуть – и подобные мысли перестали меня волновать. Видимо, я стал таким же. Но поездки всё равно меня утомляли.

В конце концов, решение было найдено – я купил себе маленький МП3 плеер, служивший своего рода защитным костюмом, позволяющим за счёт музыки и размышлений отгораживаться от всего этого дорожного хаоса. Музыка захватывала мысли и позволяла погрузиться глубоко в себя. Туда, где я уже успешен, богат и езжу на своей машине, а не в воняющем смесью перегара, пота и дешёвого одеколona автобусе. Чувствуя в очередной раз, как «прелести» дороги вызывают подкатывающие к горлу ощущения тошноты, я брался за моего спасителя – чудо современной техники. С наушниками и музыкой дорога до больницы переносилась легче.

Лечебница находилась почти на самой окраине города: там, где начинались сосновые леса и жило мало людей.

Вопреки общепринятому мнению, территория психушки ничем не отличалась от обычного медгородка – с десятков двухэтажных зданий из белого кирпича, высокие сосны и ухоженные клумбы с цветами.

Большинство людей, приходящих сюда, чтобы получить справку «На учёте не состоит», необходимую при приёме на работу и получении водительских прав, чаще всего остаются разочарованными. Обычно, взяв с собой для пущей храбрости кого-нибудь из друзей, люди, ступившие на территорию дома скорби, боятся картин, нарисованных их воспалённой (вследствие чрезмерного просмотра голливудской белиберды) фантазией. Но они не оправдываются: ни тебе гигантов с выпученными от безумия глазами, ни буйнопомешанных, дружно шагающих

в смиренных рубашках и при первом удобном случае кидающихся на тебя, бешено вопя и брызгая слюной, перемешанной с пеной.

Максимум, что появившиеся на территории могут увидеть – это мирно подметающих и так уже чистый асфальт людей в однообразных серо-бесцветных рубашках, просящих закурить у каждого прохожего, да лица, торчащие из-за зарешеченных окон и бубнящие что-то себе под нос.

Хотя, может, я просто уже к этому привык и не обращаю внимания, а для кого-то такой поход оборачивается полным кораблем впечатлений.

Моё отделение находилось в первом корпусе, что ближе всех к воротам.

Весь первый этаж занимало 15-ое детское отделение, где я, собственно, и работал. Сверху соседствовало 16-е платное, где лечили от лёгких неврозов и нервных срывов. Пациентов 16-го отделения можно было всегда встретить оккупирующими лавочки возле общего подъезда и дружно пускающими клубы сигаретного дыма, создавая подобие тумана.

Сейчас, по прошествии стольких лет, я могу ответить на вопрос, который задавал себе после увольнения достаточно долго: «За те годы, что проработал психотерапевтом в больнице, я больше приобрёл или потерял?»

Ответ: «Я не знаю!».

Я не знаю, чего было больше: взлётов или падений, успехов или неудач? Не знаю, правильно ли я сделал, что оказался там.

Раньше бы я сильно парился, изводил себя, задавая вопрос «А что если?». Короче, занимался тем, что, в общем, называется «эмоционально-моральная мастурбация». Бесконечный перебор всевозможных вариантов исхода и анализ, анализ, анализ... Крыша может съехать!

Благо, теперь этого нет благодаря отцу. Он мне когда-то сказал:

– Любое решение, которое ты примешь, будет единственно правильным и верным.

– Почему? – я совсем тогда не понял этого утверждения.

– А потому, что ты не знаешь, как бы было, сделай ты другой выбор, – ответил папа и принял выражение лица мудрого аксакала. Я тогда всё равно ничего не понял: ведь мне было лет 10—11.

Фраза же запомнилась, несмотря на кажущуюся бессмысленность и сложность, и стала одним из жизненных кредо. Жаль только, что для отца сказанное им ничего не значило.

Поэтому, зная, что я поступаю правильно, ничего не остаётся делать, как быть благодарным за опыт.

В то время в моей совсем ещё детской голове помещались огромные веса, на которых я постоянно взвешивал тщательно отобранный и отсортированный товар – правильные или вредные поступки, слова, встречи...

Теперь этого нет.

Я знаю, что работа в психушке многому меня научила и так же много безвозвратно отняла.

Как говорил один очень известный писатель: «Однажды мы оказываемся в точке, где нам хорошо, где мы счастливы. И вместе с тем постигаем, что цена нынешнего состояния – все проклятые неудачи, вся невыносимая боль, все побеждённые страхи. Если бы не проблемы-преграды, мы бы остались там, где были. Они помогают нам расти, заставляя двигаться вперёд, не позволяя стоять на месте, ожидая, когда счастье само, растолкав горе, ворвётся в нашу жизнь. Нам же остается сказать, когда приходим к счастью: «Спасибо, что были в нашей жизни! Спасибо, страх! Спасибо, боль! Спасибо, печаль!».

Красивые слова и очень мудрые, но для меня бесполезные. Потому что я способен сказать «спасибо» только тогда, когда достигну заветной цели, земли обетованной. А, двигаясь к ней, я, как и все, проклиная, ненавижу, жалею...

Все богатство моего отделения добывалось тяжким трудом заведующей, имевшей врождённый талант находить и добиваться необходимого у людей, желающих очистить душу благотворительностью. Техника, тренажёры, игрушки, вкусности – всё это поставлялось в отделение с завидной регулярностью и рвением со стороны любителей детских болезней. Всегда найдутся люди, жалеющие больных детей и сирот и желающие наградить их за болезнь или сиротливость всеми земными благами.

Просто сталкиваясь с благотворительностью, я понял, что, во многих случаях, кроме удовольствия от материальных благ, она ещё и воспитывает в человеке психологию нахлебника, знающего, что за неудачи, горе и обездоленность тебя будут кормить, поить и одевать. Тебе же для этого ничего не надо делать, кроме как быть несчастным.

Только в последнее время зарубежные спасители поняли это. И, вместо традиционного обеспечения «рыбой», они учат умению обращаться с удочкой, в общем, добывать улов самому. Но, к сожалению, не все. Сейчас также находятся много желающих «помочь» и «наградить» – англичанки пенсионного возраста, стремящиеся поскорей смыться от гомонящей толпы маленьких почтичеловеков; молоденькие итальянки, говорящие только о предстоящем вечере в баре, а также немцы, американцы и даже немного французов (видимо, у них и своих регулярно болеющих хватает).

Короче, все были довольны: заведующая – тем, что находила себе в вечных поисках занятие и смысл творческой жизни; иностранцы – тем же и ещё спасенной душой.

Правда, заведующая периодически «ломалась» (ноги, руки, почки) и укладывалась на «ремонт» на неопределённые сроки. Но она, видимо, не сильно-то была и против.

Пока она находилась в отлёжке, почти все её материальная добыча дружно ломались весёлой ребятней с молчаливого согласия равнодушного персонала. И с очередным выходом на предстартовую позицию, после выздоровления, она тяжело вздыхала и, засучив рукава белого медицинского халата, принималась в очередной раз катить тяжёлый камень, подражая уставшему Сизифу, в гору, ею же самой и воздвигнутую. Никому её жалко не было: ведь человек сам себя развлекал, придумывая себе занятие.

Разновидностей помощи нашей бедной стране было много. В том числе и обучение местных, с позволения сказать, «специалистов» хитростям и тонкостям работы с несчастными и обездоленными. Но такие тренинги-семинары, к сожалению, проводились редко. «К сожалению» – потому что от них была хоть какая-то более-менее ощутимая польза. А «редко» – потому что затраты на обеспечение семинаров были значительными, а пользу разглядеть достаточно сложно – пощупать нельзя, понюхать тоже, да и лизнуть – навряд ли. Легче купить телевизор, подарить детишкам, сфотографировать улыбчивых детдомовцев на его фоне и привезти фото в свою далёкую от наших бед страну – «Мол, щупайте на здоровье, дорогие деньголадельцы!». После обучения аборигенов иностранные спасители приезжают к себе и сообщают, что обучили уму-разуму. Эффект совсем другой: ведь в мозги не заглянешь и не увидишь, кто чему научился и какую практическую пользу принёс по приезде на место службы.

Я, кстати, думаю: «И слава Богу, что мысленное содержимое черепной коробки другого до сих пор недоступно». Иностранцы бы удивились, узнав, что, как минимум 80% их денег, вкладываемых в обучение специалистов, работающих с детьми, уходит впустую. Потому что около 8 человек из 10, приходящих на тренинги – это профессиональные тусовщики, появляющиеся на подобных мероприятиях исключительно ради веселья и разнообразия, а никак не для повышения профессионализма и расширения горизонта. Общение, фуршеты, чаепития – вот что мило сердцу их.

Что же касается остальных 20-ти процентов, то сюда входят люди вправду толковые. В смысле, люди, желающие познавать новое и развиваться: ведь работа с детьми – их творчество и любимое дело.

Может быть, случайно, а, может, благодаря доброй воле судьбы и особой её благосклонности, называемой верным решением, такие люди, поступая в универ, на удивление бойко интересуются выбранной профессией и изучаемыми предметами. К тому же они не боятся тратить деньги (чаще всего свои) на приобретение книг, дополнительные тренинги и наработку практического опыта.

Таких людей, как ни грустно признать, подавляющее меньшинство.

Чем это могло быть вызвано, абсолютно не представляю, но могу предположить.

Во-первых, благодаря исторически сложившемуся убеждению, что работа должна быть тяжким бременем и нравиться никак не должна. Прямо как в христианских традициях: «Потом и кровью будете зарабатывать хлеб свой».

Во-вторых, из-за явной инфантильности моих современников – не знают, чего от жизни можно хотеть, куда идти и как чего-либо добиваться. А если даже и знают, вовремя в этом разобрались, то не умеют противостоять чрезмерно активным и «лучшезнающим» родителям, желающим видеть дочь нынче модным психологом и совершенно не пытающимся понять её нелепую идею стать учительницей физкультуры.

Наверное, из-за этих наиглупейших, но вполне естественных причин молодые люди выбирают путь от противного и бредут по жизни с низко опущенной головой и вечно кислым выражением лица, не умея да и не желая что-либо менять в тошнотворном, но вполне устоявшемся мирке: то ли из-за страха перемен, то ли просто из убеждения, что «уже поздно».

Результаты налицо: талантливые актёры работают стоматологами, маэстро продаж копаются в сводах законов, а вполне вероятный нобелевский лауреат по физике хамит пьяным пассажирам, по ошибке зашедшим в его вагон.

Так вот, когда заведующая отправила меня на четырехдневный тренинг, где английский социальный работник, леди пожилых лет, должна была учить нас премудростям работы с трудными подростками, я обрадовался, так как до сих пор с надеждой относил себя к тем самым двадцати процентам.

В творчески активное меньшинство, которое выделилось в первые 15 минут занятия, также, на мой придиричивый взгляд, попала молодая женщина – Татьяна, со дня на день собиравшаяся стать счастливой мамой. С большим красиво округлым животом и ярко выраженной харизмой, она каждый день тренинга неизменно приходила минута в минуту, плавно громоздилась на стул рядом со мной. К тому же, была она интересной собеседницей и человеком, имеющим своё, вполне даже конкретное, мнение. Несомненно, с моей стороны это вызывало тактичный интерес и уважение. Наверное, именно поэтому все 4 дня я держался неподалёку от неё и, когда для очередного упражнения или игры круг разбивался на тройки, четвёрки или же пятёрки, мы всегда оказывались рядом.

Упражнения, в основном, носили характер психолого-коррекционных игр и были направлены на сближение, развитие сплочённости, расслабление и так далее. В общем, то, что мы должны были проделывать с подростками, опробовали сначала на себе.

Оказавшись в очередной раз вместе с Таней в подгруппе, мы делились своими мыслями, чувствами, воспоминаниями. И, что самое главное, я рядом с ней чувствовал себя свободно и раскрывался без страха и утайки.

В то время я был в состоянии мимолётного увлечения, чувствовал себя воздушно-беззаботным, поэтому прошлое казалось красочным и вполне сносным, что я, естественно, не под-

вергая сомнениям, преподносил другим. Идеальные родители, верные друзья, вечная любовь и только – вот что встречалось на моём пути.

Пока я всё это рассказывал, Таня с интересом смотрела на меня и ждала, пока закончу. Когда же я замолчал, она задала мне один, всего один вопрос, ставшим впоследствии чем-то глобально важным. Она спросила:

– Если у тебя было всё так идеально, как ты говоришь, – медленно, растягивая слова, произнесла она, будто читая что-то в моих глазах, – почему же ты тогда стал психотерапевтом?

И я задумался, желая, легко отмахнувшись, пробубнить что-нибудь...

Но вместо этого прислушавшись к себе, я понял: что-то тяжёлое и вязкое схватило меня за горло и тянет вниз, увлекая за собой...

Вопрос, заданный на том семинаре Таней, стал пусковым механизмом. Он что-то переменял внутри, открыв глаза на то, что я так яростно старался забыть. Мне кажется, что именно в тот самый момент, как она произнесла слова, сложившиеся в один из главных вопросов жизни, мой, невидимый доселе, комочек плотно скрученных нитей начал превращаться в реальность.

Прошлое ожило, поглощая меня.

А внутри...

Часть 3. Детство

*Когда мне снова будет восемь,
Я постучусь в огромный дом,
Где все, конечно, хором спросят,
Хочу ли я пожить в таком.
Накроют стол, обнимут даже,
И каждый будет очень рад.
А перед сном мне тихо скажут,
Что я для них – не сын, а клад.
Меня уже никто не бросит,
Чтоб поскорей мой взгляд забыть,
Когда мне снова будет восемь,
Я стану тем, кем должен быть.
Дарья Снигирёва*

Обида, слёзы, трудно дышать, одиночество, страх, непонимание, боль...
Смех, удивление, теплота, гордость, увлечение, желание, страсть, оргазм, гром...

Я сидел в одиночестве где-то в районе центрального парка. В левой руке почти допитая бутылка пива, рядом пачка «Честерфилда» тоже с остатками сигарет.

Стеклянный взгляд устремлен в небо, где покорно умирают предассветные гирлянды звезд.

Звуки вокруг, цвета и запахи умерли. Их нет. Меня нет в этом мире.

Кадры в голове сменяются и вместе с ними – моё настроение.

На моих губах вкус того вопроса. Я пытаюсь прочувствовать, какого это – произносить такие значимые слова без эмоций, без страсти и страха. Я пытаюсь понять, почему слова о моём прошлом стали так важны для меня, почему я нашёл в них такую силу? Почему?

Моё прошлое... Оно уже было... Оно не вернётся? Неправда: оно во мне, а я в нём...

Я в прошлом, там, куда боялся заглянуть, но где ответы и освобождение от меня самого, такого, какой я сейчас – искусственного, созданного заново, пустого...

А внутри – обида, слёзы, трудно дышать...

На улице холодно. Зима ведь...

А надо идти в школу.

Бабушка одевает меня, как всегда, очень тепло – когда идёшь, становится совсем невыносимо и, кажется, что ты внутри горящего дома. Ну что тут поделаешь! Разве бабушку можно переубедить? Она всегда знает лучше, что мне надо.

Она целует меня и брата липким, мокрым поцелуем и закрывает за нами дверь.

Мы выходим из квартиры, спускаемся на первый этаж. Брат сразу же выходит на улицу, а я немножко хочу постоять. Мне нравится представлять, что я космонавт и сейчас выхожу из ракеты на новую, неизведанную планету. И капюшон у куртки кстати – прям как настоящий скафандр! Хорошо вот так стоять и воображать, что...

Брат резко открывает дверь, заглядывая с улицы в темноту подъезда:

– Ну, где ты там? Я из-за тебя в школу опоздаю!

Приходится выходить, и сразу нос начинает щипать, а дышать становится трудно.

Снег под ногами скрипит. Мне нравится этот звук, и я стараюсь идти там, где не протоптана дорожка.

Даська идёт чуть впереди, я медленно, ели переставляя ноги, плетусь за ним. Он старше на год и учится уже в четвёртом.

Мы прошли около половины пути, и я понимаю, что или сейчас, или будет уже поздно.

Сделав несколько широких шагов, я быстро его нагоняю и беру за руку. Он поворачивается ко мне и с удивлением смотрит.

– Дань, – выдавливаю я из себя почему-то виноватым голосом, – Я в школу сегодня не хочу идти. Ты маме не расскажешь?

– А что такое? – лицо его очень серьёзное.

– Не знаю. Просто не хочу, – я чувствую себя виноватым. Он молчит, вглядываясь в меня, а я не могу на него смотреть. Почему-то становится невыносимо стыдно.

– Хорошо, – будто выдохнув, сказал он, – Я ничего не расскажу. Только где ты будешь ждать? Холодно же! А домой не пойдёшь.

– Ничего-ничего! – стал я его уверять, обрадовавшись, – не замёрзну! Пошли, покажу, где я буду стоять. А пойдёшь домой из школы, заberi меня, и мы пойдём вместе.

Я завожу его во дворик, к гаражам.

– Вон, между ними, – сказал я, показывая рукой на щель меж двух железных гаражей, красным и зелёным. Я там спрячусь.

– У меня пять уроков. Пока...

И он уходит.

Я захожу между гаражей и кладу портфель на снег.

Если поднять голову вверх, то через полоску почти смыкающихся гаражных крыш виднеется затянутое тучами небо, а ещё – сосульки.

Здесь немножко тесно. Чтобы развернуться, нужно приложить усилия. Зато можно посидеть на портфеле, а ещё – здесь никто не ходит. Правда, у самого входа в моё убежище кто-то написал, и я туда не подхожу.

Я даже не знаю, почему так сильно не хочу в школу – ведь раньше было нормально. Тоже не ахти, но, по крайней мере, не так ужасно. Может, это из-за новой учительницы мне тяжело?

Почему, когда ждёшь, время тянется так долго? Очень долго. Сколько я уже здесь? Урок? Два? Жалко, часов нет...

Ноги уже совсем одервенели. Если по ним чем-нибудь ударить, то боли практически не почувствуешь. Я – знаю так было, когда мы с папой в парк ходили.

Совсем недавно мне было холодно, а сейчас и холода уже не чувствую, только скука.

Я больше не могу здесь быть. Что бы придумать? Если просто придти, бабушка ругать будет. Она дома, папа с мамой на работе. Что придумать?

Мой взгляд падает на жёлтый снег возле входа.

Точно! Можно попробовать. Как раз я и хотел, только надо не перестараться, чтобы сильно не было видно.

Самое сложное – это остановиться, когда уже начал.

Всё...

Через пять минут я уже дома. Отворяет дверь бабушка, как я и ожидал.

– Ты чего так рано? – недовольно и с подозрительным прищуром спрашивает она.

– Вот... – я расстегиваю куртку, доходящую мне до колен, тем самым открывая вид на мокрые штаны.

– Это плохо! – констатирует бабушка, – Как это получилось?

Я начинаю рассказывать уже заготовленную по пути историю, что сидел на уроке, а потом – бац! Чувствую: мокро... Говорю, что дети смеялись, а учительница велела идти домой.

Бабушка командует идти переодеться. Я радуюсь! Пронесло...

Как хорошо дома!

Завтра я обязательно пойду в школу. Не хочу больше испытывать стыд и холод...

Но завтра всё повторится.

Как только школа приближается, я начинаю испытывать ужас и, вслед за ним, панику. И решаю: пусть будет со мной что угодно, лишь бы не к НЕЙ на урок. Пусть холод! Пусть скука, но не к НЕЙ! Тогда я ещё не знал, что то, что она со мной делает, называется унижение.

И был холод, такой же, медленно поднимающийся от ступней всё выше. Потом он уходил, и наступало полное бесчувствие ног.

И была скука, замедляющая секунду до часа.

И снова было решение. Только теперь вместо мочи было говно.

Я шёл домой от моего убежища и плакал. Ревел тихо и сдавленно, про себя. Мне было противно и страшно.

Пусть ругают, но не школа!

Когда дверь открылась, первое, что она спросила:

– Опять?

Я понял, что пропал. Начал быстро-быстро говорить, что-то бормотать и с ужасом уставился на становившееся пунцово-красным лицо бабушки. Она очень быстро дышала.

– Раздевайся и в комнату... – сквозь зубы, скомандовала она.

Я очень испугался. Страх окутал мои лёгкие, сжал их, не давая возможности вдохнуть. Но я повиновался: снял куртку и сапоги, уселся на диван в гостиной.

Она вышла из соседней комнаты, держа в руке длинную пластмассовую палку.

– Нет! Бабушка, не надо! Я больше не буду делать так! Пожалуйста! Пожалуйста!!!

Сначала она попыталась хлестать меня по бедрам, но потом ей стало неважно, по чём.

Я забился в угол дивана и, закрыв лицо руками, вопил, молил, просил...

Но удары продолжались.

Услышав хруст, я открыл заплаканные глаза и увидел только часть палки в бабкиной руке, другая часть валялась на полу.

Тогда она выбросила обломок и подобрала лежащий на полу кабель, проведенный к телевизору...

Именно тогда я закрыл себя в первый раз.

Звёзд на небе уже не различить: вот-вот родится новое солнце. Я буду смотреть на него через солёную воду моих глаз.

Обнимаю свои колени. Тело само, повинаясь внутреннему ритму, покачивается из стороны в сторону. Так немного легче.

Я плачу и слёзы, падая, возвращаются назад, сквозь года. Обратно ко мне, ещё доверяющему себе и миру вокруг, но уже начинающему догадываться, каким нужно быть и что нужно делать, чтобы тебя любили.

Я прощаю её – ту, которой уже нет. Вместе с рыданиями уходит злость, бессилие и смирение. Я отпускаю их, оставляя себе только теплоту, любовь и силу, которые она мне дарила. А ещё – спокойствие...

Она – моя бабушка.

Кадры в голове сменяются. Именно в них возрождается моё прошлое.

Ну, вот, куда теперь? Как узнать, где они будут стоять?

Я был на распутье. Можно пройти через стадион, но там почти не ходят взрослые, и, если они всё-таки там караулят, то мне будет полный абзац!

Ещё можно через дворы. Хм-м-м... Наверное, так лучше.

Или всё же через магазин? Там много людей, там все ходят. С одной стороны, и взрослых больше... Ну, а если кто из одноклассников увидит? Да и Тотик там идти может. А если ещё и он к этим дебилам присоединиться, то на мне точно живого места не останется...

Всё-таки надо идти через дворы, там есть вероятность, что не увидят.

Я свернул с широкого тротуара, по которому почти каждый день ходил в школу, во двор пятиэтажки, в которой живёт мой лучший друг Лёшка. Жалко, что он сегодня в школу не идёт. Хотя, тогда наверняка и ему достанется, если что.

Не понимаю, что я им сделал?! Ни с того, ни с сего. Видите ли, им не понравилось, как я иду, и денег у меня с собой не оказалось. Только за это? И за то, что я слабак! Это они мне уже сами сказали. Но ведь я же их не трогаю! Ну почему?!

Мне стало так обидно! Глаза сами начали увлажняться. Надо дышать, чтобы не заплакать.

Сквозь слёзы я увидел впереди две фигуры. Они меня тоже заметили. Одна была в голубой куртке. За это мы с братом называли его «голубицей».

Голубица и его друг (я не знал их имён, знал, только, что они учатся на два класса старше меня – в шестом) стояли в проходе между домами, за которыми находилась школа.

– Мы своё обещание выполнили – нашли тебя. Теперь иди сюда, чертило, – ухмыляясь, сказал второй, у которого не было прозвища. Он явно был старшой среди них, а Голубица просто придатком к нему, шестёркой.

«Чертило! Иди сюда! Нашли тебя!» – скакали его слова в моей голове.

Что-то вдруг случилось. Резко. Быстро. Я не понял, что...

Я просто пошёл к ним, с каждым шагом всё ускоряясь. Обида и страх заполонили меня полностью, без остатка. Теперь я плакал по-настоящему, не скрывая себя, не стыдясь. Бежал и плакал...

И уже не мог разобрать их лиц, только силуэты. Опять силуэты.

Я с разбегу напрыгнул на второго (того, что без прозвища) и повалил наземь. Затем, усевшись сверху, я взял его за шкуру и начал приподнимать и резко бросать на землю, даже не видя, как его голова беспомощной тряпичной куклой глухо падает на асфальт.

Я кричал. Я ревел. Ревел и кричал!

А потом начал бить, видя перед закрытыми глазами его ухмыляющуюся, приторную морду. Начал бить. В лицо.

– За что?! Что я вам сделал?! За что вы меня?! За что?! – орал я, снова и снова нанося удары.

Подо мной этот тоже пытался кричать, звать друга на помощь, но я обрывал его крик кулаками.

– Дима! Дима! Убери его! Дима!..

Мне не нужно было даже видеть Голубицу, чтобы понять, почувствовать, как он вжался в стену, боясь шелохнуться. И его страх.

Дерьмо!

А я бил, ревел, кричал, боялся...

Только когда этот, без имени, замолчал, я, остановившись, тяжело дыша, открыл глаза. Первое, что я увидел – свои руки.

Они были красными.

И только тогда я понял, ЧТО произошло – Я СДЕЛАЛ ЧЕЛОВЕКУ БОЛЬНО!

Это был первый раз, когда я по-настоящему кого-то ударил! Я причинил вред! Я сделал больно!

Что я натворил?!

Он лежал на земле, боясь открыть глаза. Или просто не мог сделать этого.

Каждый его вздох был виден – из ноздри, медленно возрастая, появлялся большой красный пузырь и, лопаясь, разносил красные брызги по лицу.

СДЕЛАЛ БОЛЬНО!!!

Сколько раз они меня били? Сколько раз, упав, я ждал, прикрыв лицо руками, когда удары прекратятся? Сколько раз я видел распахнутые от ужаса глаза бабушки, смотрящие на мое виновато улыбающееся лицо-месиво? Сколько раз я не чувствовал боли, пока грязные ботинки искали мою улыбку?

А сейчас он лежит! Он чувствует боль!

И Я СДЕЛАЛ ЭТО!

Вдохнуть не получалось.

Шаг назад. Ещё один...

– Извини, – только хриплый шёпот смог вырваться из меня, – Извини. Я... Я не хотел. Слышишь?! Извини! Я не мог! Не хотел!!! Извини...

Я не хотел, но меня заставили.

Холода не должно быть. Почему же тогда дрожь по телу?

Я когда-то человеку сделал больно. Давно. Очень давно. Человеку, который только и мог причинять боль другим.

А я не мог. Тогда не мог. И нёс его боль сквозь года. Сквозь близких и чужих людей. Нёс в себе, внутри, не умея от неё скрыться. И каждую секунду вносил его боль в свою жизнь.

Люди были *со мной* и не знали, что одновременно общаются с его болью, соединившейся, слившейся со мной, ставшей частью меня самого.

Я их обманывал, говорил: «Это я!», а на самом деле это была его боль, мои обиды, непонимание, страхи... И немного меня самого. Совсем чуть-чуть.

Все эти годы я пытался ответить на тот вопрос.

ЗА ЧТО?

Искал ответы в нужных книгах, в умных людях, и в других – в таких же, как тот, без прозвища. Но тщетно: куда бы я ни направлял свой взор, везде был путь, ведущий в интеллект, в логическое объяснение. Будь то не любящие его родители или мое неумение отстоять свою свободу, моя трусость.

Тщетно...

Рассудок здесь непричём, есть только сердце. Только оно позволяет освободиться.

«Понять – значит простить», – твердили веками.

Чушь!

Простить – значит простить. Открыть сердце. Признать и принять прошлое. Разрешить себе быть таким, каков был, а значит, каков есть.

Оплакать себя.

Похоронить и начать жить снова, заново.

Все моё прошлое – это Я.

Я весь состою из прошлого. Все мои ошибки, печали и радости живут вместе со мной, в настоящем. За ними, практически, невозможно разглядеть себя.

И что теперь делать, чтобы отыскать себя в лабиринтах минувшего? Нужно ли вернуться туда? Или всё здесь, всё сейчас, со мной? Нужно ли оборачиваться?

Каждую секунду прошлое неотделимо от меня и движется следом. Если я хочу найти своё Я, открою глаза, наострю уши, почую носом и дотронусь ладонью.

Изменить настоящее, пронзив прошлое.

Просто решиться.

Просто...

Я теперь знаю, почему решил стать психотерапевтом. Чтобы узнать «почему»!

Почему появляется боль, как уходит страх, что такое счастье и какой воздух необходим, чтобы вскормить его.

Обосновать, узнать, понять...

Я даже не мог предположить, что освобождение и прощение себя приходит через чувства. Что это самое главное – уметь чувствовать. Слышать собственные ощущения.

Я всего лишь хотел найти себя и, кажется, понял, как это сделать.

Как я оказался в своей квартире, исчезнув из парковой тиши, даже не знаю. Помню только, как мелькали редкие люди и пропадали машины. А я шёл и шёл, не видя их. Ведь их не могло быть в моём увядающем мире – они были в том мире, где кишит жизнь... В котором, также, не было меня.

А я тоже хочу жить...

Но для этого я сначала должен умереть...

Слишком светло. Солнце бьёт прямо по глазам.

Медленно оторвавшись, с трудом, будто выдирая корни, я встал с кровати и, еле передвигая ногами, волоча их по полу, будто неподъёмные кандалы, подошёл к окну. Задёрнул шторы. Затем вернулся к кровати, мечтая только об одном: утонуть в ней.

Всё это заняло минут пять, не меньше – жизнь уходила из меня, покидая тело, забирая энергию и силы.

Прошлого скоро не будет.

Будущее всегда будет далеко.

Есть только настоящее, и я хочу в нем жить... Но для этого нужно действовать. Из последних сил надо протянуть руку барышне, сидящей на краю койки-могилы.

Той, что без лица...

Часть 4. Самый длинный день

Балкон.

Промозглая стылая ночь.

Луна мечется среди рваных туч.

А за окном – свет и тепло.

Как хорошо, что можно вернуться!

Наталья Иванова

...Наконец, мы подошли к нужному проёму, к моему миру.

Я спросил безликую: «Сюда?».

Она качнула головой: «Да».

И тогда, протянув руку и лишь слегка коснувшись ручки, я отворил дверь.

Увиденное заставило отступить на несколько шагов назад. Я ожидал чего угодно, но только не того, что предстало передо мной. Мне было безразлично, окажется мир за дверью полным света или тьмы. Для меня не играло никакой роли, где я проведу остаток Вечности – только лишь не в той точке, где я был.

Дверь вела в ту самую комнату, которую мы (я и моя смерть) совсем недавно покинули.

Я стоял и смотрел на кровать, на которой лежала блёклая тень – всё, что осталось от меня прежнего. Я смотрел на сумрак, заполонивший всё свободное пространство, понимая, что я стою перед входом в жизнь, от которой только что бежал.

Чувствуя, как начинается паника, я ничего не мог понять!

Глянул на безликую. «Наверное, я ужасно выгляжу, – почему-то подумал я, – глаза в немом ужасе, открытый рот, застрявший в глотке крик...»

– Что происходит?! – моя тревога достигает предела. – Почему?!

В ответ лишь молчание...

– Я не хочу!!! Слышишь?! – держусь я за кипящую голову.

– А ты слышишь? – раздаётся у меня внутри. – Можешь ли ты слышать хоть что-нибудь, кроме собственного голоса? Вряд ли! Но я всё равно скажу...

– Что происходит? – шепчу я.

– Ты ещё не знаешь, где оказался, как, впрочем, и все... Никто не знает, где ты. Ведь тебя на самом деле не существует, тебя нет – ты потерял себя. Потерял, как теряют счастье в бесконечной череде серых будней. А кем становится человек, если у него нет даже себя?

– Пустотой... – неуверенно выдыхаю я слово.

– Но ведь даже у пустоты есть свое место, а у тебя нет... Тебя нет...

Я удивлённо смотрю на то место, где должно быть её лицо.

– Так что же мне делать?

– Найди себя! Отыщи свои следы и, не теряя из виду, следуй за ними.

– Где же мне искать? С чего начинать свои поиски? Подскажи мне!

– Загляни внутрь себя – только там сокрыт ответ. Смотри по сторонам, замечай оттенки собственных чувств, желаний и мыслей: они приведут тебя к ответу. Найди себя! Ты должен сделать это, иначе будешь бесконечно блуждать между двумя мирами. Пока ты ни жив, ни мёртв, тебя не сможет принять ни один из миров, ты везде будешь чужим. Найди следы...

– Я не понимаю...

– Прошрое, настоящее и будущее, жизнь и смерть, иллюзия и реальность слились воедино, смешались, став одним целым. Теперь ты должен распутать их, собирая по крупинкам себя, чтобы в конце пути ответить на вопрос.

– Какой вопрос? – я всё ещё пытаюсь хоть что-то понять.

– Ищи следы... Найди себя... Ответ на вопрос...

Последние слова раздались, будто издалека. Казалось, голос терял последние силы. Я понял, что погружаюсь в темноту.

Во мраке были размешаны холод и спокойствие...

Я верю в судьбу.

Теперь верю...

Точнее, даже не верю, а знаю, что она есть.

Он, рок, банален. И объяснение его тоже банально – есть предрешённый кем-то когда-то исход. Человек от него деться никуда не сможет, даже если и захочет. Есть силы, решающие, что, где и когда. Человек же, со своей стороны, может хоть на стену лезть, а на фатум повлиять у него не получится.

Проще говоря, рождённый быть повешенным не утонет.

Любые встречи, несчастья или удачи, смерть – всё записано в книге судеб, находящейся где-то в районе небес.

ВСЁ! Компромиссов быть не может.

Я во всё это, конечно же, верю. Но с одной оговоркой – судьбой управляют не боги, а прошлое. Прошлое и есть судьба. Всё будущее предопределено минувшим.

Если я захочу узнать, почему со мной случилось что-либо, развернусь на сто восемьдесят градусов, прищурю глаза и всмотрюсь. Там будет ответ.

Я верю в судьбу.

Но не сейчас... И не со мной. Она невластна в настоящем. Она хозяйка прошлого и тех, кто в нём живет. А я живу здесь и сейчас. По крайней мере, я теперь знаю, как это – жить сейчас. И начинаю превращать это знание в жизнь.

Но для начала нужно сделать одно ДЕЛО, на которое придётся потратить драгоценные минуты. Как же мне этого не хочется!

Хочется, как всем, чтобы всё и сразу. Только сел за фортепьяно – и мгновение спустя пальцы сами отправились в путь, с лёгкостью находя заветные клавиши и создавая изящные звуковые арабески.

СРАЗУ!!!

Без труда и затраченного времени. Без ошибок.

Но нет, на этот раз я не позволю остановить себя, никому и ничему. Даже страху, заставляющему пасовать перед любой, даже малейшей трудностью, преградившей дорогу. Не позволю!

Я должен ЭТО сделать! Я должен. Я хочу...

Моя цель – раствориться в настоящем, впервые научившись жить в нём. А для этого нужно распутать клубок прошлого.

Хм-м... Интересный парадокс получается: хочешь жить сейчас – уничтожь прошлое.

Прошлое. Оно есть. Есть всегда. От него нельзя избавиться, но можно иметь в виду, учитывая. Оно не должно властвовать над человеком, а обязано быть всего лишь его частью. Частью, которую принимают с покорностью и благодарностью.

Вот что действительно нельзя изменить – это прошлое. Вот где на самом деле – жребий, фатум, беспощадный рок. Остаётся только смириться и принять.

«Но я-то здесь, я живу сейчас...» – вот правда, которую нужно принять!

Нужно? Смириться? Принять?

К чёрту! Нельзя изменить? Было нельзя. Теперь можно. Что-то сломалось в устройстве Вселенной, и я не ушёл, когда должен был. Теперь я не в этом мире и не в том.

Погрузить руки в плоть тумана, скрывающего меня и, схватив его, разорвать на части. Тем самым открыв обзор, чтобы можно было осмотреться.

Мой клубок длиной в 31 год вдруг остановился, прекращая отсчитывать секунды. 31 – столько я живу на свете, и ровно столько мне предстоит пройти, отматывая время назад, чтобы добраться до первого вздоха, став чистым листом.

Что находится за гранью жизни, я уже узнал. Осталось посмотреть в глаза началу начал. Посмотреть, ЧТО находится ТАМ, за отметкой номер ноль...

Справа, на тумбочке, как всегда, лежали пачка «Честерфилда лайт» и пепельница с пивным именем «Балтика».

Я легко нашёл силы сесть на край кровати, подвинуть поближе пепельницу и поджечь сигарету.

М-м-м...

Затяжка, как в первый раз. Хотя, если подумать, то это и была моя первая затяжка в жизни. Жизни заново.

Я по традиции закашлялся. Но это нисколько не омрачило того наслаждения, что я получил от бледно-глюющей сигареты с запахом жизни.

Как будто на самом деле впервые, я начал крутить красивую пачку в руках. Под самым названием тускло виднелись напоминки – «Минздрав предупреждает...», «...причиной раковых заболеваний!».

Зачем это мне? Чтобы я боялся? Или это такое проявление заботы?

Хренотень какая-то! Как может быть вредно то, что приносит столько удовольствия?

Как бы в отместку правильной и приторно-сучной надписи я смачно затянулся, затем медленно выпустил густой дым в просторы сумеречной комнаты. Дым красиво извивался, будто танцуя, принимал причудливые формы и исчезал в потолке.

Ещё одна затяжка.

Вредно то, что мы считаем таковым. По-моему, ещё ни один человек не умер от переизбытка чего-нибудь, что дарит истинную радость. Наркотики и бухло не в счёт – это всего лишь суррогаты реальной жизни. Они к радости никакого отношения не имеют.

Несомненно, сигареты тоже могут убить. Точнее будет сказано, не убить, а помочь человеку убивать себя. В этом случае курево будет лишь помощником в достижении цели, инструментом.

Помогает убивать всё, что перестает приносить удовольствие, а становится лишь данью традиции, обязанностью, которую не можешь не выполнить.

Ещё... С наслаждением...

Ху-у-у... И дым опять лениво перебирается к потолку. Там ему, видимо, интереснее.

Помню, как-то спросил у Фатимы:

– Слушай, Фатим, – говорю я ей, – Ты же врач, в реанимации работаешь, много людей у тебя на руках умирает, а ты своей жизнью совсем не дорожишь: по две пачки в день выкуриваешь.

– Знаешь, – ухмыльнулась она той противной улыбкой, какая получается только у неё, – Именно потому, что я повидала столько смертей, не боюсь этой гадости.

И покосилась на пачку, лежавшую неподалёку.

– Когда привозят стариков стародавних лет, всю жизнь дымивших, как неисправные паровозы, и пьющих, что под руку попадёт... Привозят из-за того, что по оплошности топором

себе по ноге заехали, а вслед за ними – сопляков двадцатилетних, сигарет и водку на дух не переносящих, с раком лёгких или желудка. Где здесь истина? И при чём здесь сигареты? И, тем более, при чём здесь грёбаная медицина? Из-за этого я часто себя спрашиваю: «А что я, чёрт возьми, здесь вообще делаю?». Может, ответишь на них, раз такой умный?

Тогда я был умный, поэтому не придумал, что ответить. Пришлось молчать.

– По-моему, – после минуты задумчивости продолжила она, – единственный вред от сигарет – это когда дым попадает в глаза. Да и это совсем уж вредом назвать сложно. Дым попал, глаза начинает щипать, они слезятся, и чувствуется своеобразная боль. А боль, в свою очередь, помогает понять, что ты – живой.

Последний раз затянувшись, я потёр слезящийся глаз и остаток сигареты затушил в пепельнице. Тушил долго, с увлечением и удовольствием не меньшим, чем курил.

Чад рассеивался, пропадая где-то в районе потолка. Вместе с ним, казалось, уходит и тупая тяжесть из головы. Гнёт имел своё, вполне конкретное, предназначение – он охранял от ощущения жизни, от чувства, что есть время и оно идёт вперед, что есть дела и обязанности, которые я должен выполнять, а ещё есть люди помимо меня.

Секунды снова двинулись послушным осликом по кругу. Стрекотание прытко бегущей стрелки постепенно становилось слышно сначала, будто из соседней комнаты, а затем всё четче, словно приближалось.

«Тик-тик-тик-тик-тик...» – короткими шажочками семенила стрелка.

Я посмотрел на часы, висевшие на стенке, прямо над кроватью. Большой круглый хронометр с Гомером Симпсоном посредине. Когда-то мне их подарил лучший и единственный друг как напоминание – не стань таким, как Гомер. Потому что у меня все задатки для этого были.

Большая стрелка замерла на трёх, маленькая – на девяти. Пятнадцать минут десятого.

Понедельник.

Оказывается, моя смерть похитила всего лишь около двух часов. Так много и так мало...

Я встал, разыскивая глазами рубашку. Нужно одеваться и идти на работу, на которую давно уже опоздал.

Знаю, что там надо кое-что завершить...

Хочу ли я идти на работу? Хочу ли выходить наружу? Хочу ли появляться на людях?

Ответ – да.

Но не для того, чтобы, как раньше, вставать каждое утро, исключая уикенды, проклиная всё, на чём свет стоит, и тащиться в ненавистную психушку. Выходя на улицу, смешиваться с безлико-серой толпой таких же живых трупов, как и я. Не для того, чтобы смотреть на грустные от безысходности лица рабочих и самому быть таким же, потому что с удовольствием и улыбкой ехать на любимую работу нельзя.

Работу вообще любить нельзя. Работа – каторга! И это закон. Нельзя работать, можно поскорей отрабатывать и спасаться бегом в свое убогое, унылое жилище до следующего утра.

Нет. Не для этого.

Я всего лишь хочу посмотреть, что же изменилось во мне, как я теперь воспринимаю всё, что создаю и разрушаю... Только выйдя во внешний мир, я могу в полной мере оценить всю разницу меня «до» и «после». Мне нужно идти, иначе как я смогу найти свой след?..

Через пятнадцать минут я готов.

Одел не то, что положено (строгий костюм), а то, что удобно и нравится – джинсы-классик, синюю хлопчатобумажную майку с надписью «Tommy SPORT» и летние светло-коричневые туфли. Глядя в зеркало, поймал себя на мысли, что первый раз в жизни одеваюсь для себя. Остался доволен.

Захватив деньги, телефон и книжку, с шестого этажа – по ступенькам. Не потому, конечно, что лифт не работает, а, просто захотелось ощутить своё тело, почувствовать, что у меня есть ноги и я умею ходить. Ощущение быстро бьющегося сердца – тоже здорово. У меня бьётся сердце.

*В августе ночью
Что так нежно коснулось моего лица?
Крыло мотылька или
Опадающий лист?
Дыхание осени...*
Наталья Иванова

Уже давно я кое-что заметил. Кое-что про жизнь.

Эта мысль или, скорее, даже подозрение, была где-то глубоко внутри – ощущения всегда возникают раньше, чем человек их осознает.

Я гонялся за каким-то важным чувством, про которое совершенно ничего не знал, кроме того, что оно важное. Пытался схватить, чтобы успеть осознать, но мне всегда это не удавалось.

И вот теперь, я, стоя на улице, напротив моего подъезда, вдыхаю корпускулы ветра, глаза устремлены в беззаботно голубое небо, по которому лениво перебираются пузатые духи воды. Стою и ощущаю то, зачем так долго бегал.

Всё важное в жизни происходит неожиданно и за очень короткий срок. Как моя смерть, например. Или как осень в этом году, давшая мне кое-что понять про жизнь.

Странное дело: ещё вчера я жил и кругом было лето. Сейчас же повсюду царит осень. Как пахнет воздух, как греет солнце, как говорят листья, как ходят люди – осень живёт во всём.

Так, вместе со мной, умерло лето, не дожив до положенного срока всего несколько дней.

В жизни всегда происходит именно так – мы живём-живём, а потом... ОП! – и что-то изменилось, навсегда и вернуть это ЧТО-ТО нет никакой возможности. Всё произошло за день или неделю – быстро.

После этого учиться жить приходится заново, а это сложно.

Не знаю, хорошо это или плохо. Скорей всего, это просто есть. И некуда деваться, остаётся только приспосабливаться.

Почему-то для меня осень всегда была особенным сезоном. Наверное, потому, что именно в эту пору со мной происходили такие вот метаморфозы, помогающие жизни стать с ног на голову. А, может, из-за температуры, когда и не холодно, и не жарко, а «самое то». Такие условия оптимальны для слияния с окружающим миром.

Вот тогда на меня и находит...

Просто когда у человека «самое то», ему всегда хочется что-нибудь поменять, изменить или в себе, или в окружении, а ещё лучше – везде.

А другие поры года...

А что другие?

Просто зима, просто весна и просто лето.

Зимой мне всегда хочется весны и побыстрей. Зима же, в свою очередь, то ли из принципа, то ли из вредности решительно не хочет уходить.

Она обычно медленная и заставляющая спешить. Медленная, когда находишься в помещении и смотришь в окно и ты тоже – медленный... А там зима, и, как всегда, медлит заканчиваться. От этого обычно становится грустно. Зато, когда, на свою беду, зачем-то выполз на улицу, она, как и положено, остаётся медленной, а ты, наоборот, быстрым и спешащим.

Спешащим, но ненадолго – до следующего помещения. Когда в него залетаешь пулей, сначала кажется, что зима всё-таки ушла. Но это только кажется. К сожалению, совсем ненадолго. Затем, спустя пару минут, повинувшись настрою зимы, снова становишься медленным. И так до следующего выхода на холод. И всё по кругу.

Поэтому зима для меня ничего не значит. Зима – всего лишь доведенные циклы медлительности и спешки.

С весной проще да и поприятнее будет. Весна для меня – неискоренимо и невероятно приятная привычка ждать и готовиться к лету. Весной ничего не остается делать, кроме как ждать, готовиться, наблюдать, как до этого полудохлая природа начинает воровать у солнца жизнь и, заодно, то же самое похищать у весны. В ожидании и грабеже время проходит быстро и абсолютно бесполезно.

Лето...

Лето – это отдых и релакс. И абсолютно естественно, что ничего толкового в таком состоянии произойти не может. Пиво, девочки, катамараны – все серьезное оставим на потом...

Три сезона в ожидании одного.

Может, я просто ещё не определил, зачем они мне нужны? Про осень всё понял, а про весну, зиму и лето – нет.

Осень – мой личный парадокс: кругом всё никнет, а у меня только жизнь закипает. Произошло что-нибудь, поменялось и... Пошёл жить, проверять полезность модификаций в себе.

И так каждый год: настаёт пора «самого того» и осень забирает меня себе.

Чего-то определённо не хватает, чтобы осень сейчас и меня заполонила целиком. Я, видимо, этот момент пропустил, потому что, окруженный аурой лета, никак не решусь войти в раскинутый передо мной осенний шатёр.

Я достал из тугого кармана джинсов плеер. Еще движение – и осень начинает густой музыкой проникать внутрь. Я стоял в не принадлежащей мне вселенной, упиваясь заполняющей душу грустью – созданием Tiesto, его лёгким Nayan.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.